

На поверхности земли парило крошечное, едва заметное радужное свечение.

Вспыхнув, оно мгновенно оказалось рядом с Сяо Ханом и Чжао Юнем, однако те даже не заметили его появления.

В размытых очертаниях этого света угадывался силуэт старика с седыми волосами.

В тот самый миг, когда свечение возникло на поверхности, главный экран в центральном конференц-зале на долю секунды мигнул. Хотя это длилось мгновение, все присутствующие заметили помеху, но никто не придавал ей значения, ведь подобные электромагнитные сбои на мониторах случались постоянно.

Зал, стены которого были отделаны натуральным мрамором. Если бы не чередование белоснежных и нежно-желтых плит, помещение казалось бы монолитным.

На белом мраморе были вырезаны фигуры животных, на желтом — растительные орнаменты. Знаток сразу бы понял, что это ручная работа: лазерная гравировка неизбежно нарушила бы структуру камня, изменив саму его суть.

В нынешнем Подземном городе такое увидишь нечасто — настоящий мрамор обычно доступен лишь научно-исследовательским институтам. Ведь этот камень не только обладает колоссальной природной энергией, но и является лучшим материалом для блокировки Пинфу.

Дядюшка Мао, только что спустившийся под землю, уже десять минут ждал здесь вместе с вернувшимися бойцами строительного отряда.

После первой волны удивления и осмотра помещения некоторые бойцы начали терять терпение.

— Дядюшка Мао, когда мы сможем вернуться домой? Что вообще происходит?

— И правда, уже десять минут прошло, почему куратор до сих пор не пришел?

— Кстати, дядюшка Мао, что это за место? Такая роскошь! Я впервые вижу подобный зал.

— Я тоже здесь впервые.

— Эй, дядюшка Мао, а насчет того младенца...

Дядюшка Мао молча стоял перед строем, слегка опустив голову, словно не слыша вопросов. Но стоило кому-то упомянуть младенца, как он вскинул взгляд, с тяжелым, полным противоречивых чувств выражением посмотрел на говорившего и снова потупился.

Он был здесь не впервые. Более тысячи лет назад он уже приходил сюда. Тогда он был молодым человеком, только что назначенным куратором поверхности. Но после того визита он стал стариком — нет, не физически, ему было всего триста с лишним лет, — он постарел душой.

Как же прекрасна была жизнь до того, как он впервые оказался здесь...

Механический электронный голос прервал его воспоминания:

— Боец строительного отряда номер один, пройдите в первую дверь... Боец номер два... Десятый номер, пройдите в десятую дверь.

Голос умолк, когда назвали десятого. Бойцы, хотя и были озадачены, спокойно подходили к появившимся перед ними дверям и исчезали за ними в одно мгновение.

Дядюшка Мао смотрел на их исчезающие фигуры, и в его глазах заблестела влага.

Менее чем через десять минут в огромном зале остался лишь он один.

— Куратор поверхности номер шестьдесят шесть, пройдите в конференц-зал центрального сектора.

Услышав это, дядюшка Мао взмахнул рукой. На мгновение вспыхнуло бледно-красное пространство, еще одна вспышка — и дядюшка Мао исчез.

Пространство вновь погрузилось в тишину, словно здесь ничего не происходило.

На поверхности Чжао Юнь смотрел на Сяо Хана, раскрыв рот от изумления.

Когда Сяо Хан протянул руку, младенец тоже робко потянулся навстречу. Коснувшись слоя света, он испуганно отдернул пальчики.

Но затем снова потянулся вперед. Его ладонка медленно прошла сквозь тусклое сияние, и свет, словно став мягким, нежно окутал его руку. Когда рука младенца пронзила свечение, оно расцвело, подобно дивному цветку на световой глади... Это было невероятно красиво.

Когда пальцы Сяо Хана коснулись его, младенец... он ухватился за палец Сяо Хана!

Стоит учесть, что Сяо Хан был в боевом скафандре. Хотя ученые старались сделать броню максимально легкой и функциональной, человек в ней все равно выглядел гораздо крупнее обычного.

К тому же Сяо Хан был выше и крепче своих сверстников, поэтому его рука казалась размером с тело самого младенца. Главное же заключалось в том, что если человек без скафандра прикасался к кому-то в броне, результат был один — удар током от защитной системы.

А сейчас...

Палец Сяо Хана был сжат в крошечной ручке младенца.

— #@...

— #@...

— ...

Увидев, что младенец схватил Сяо Хана за палец, конференц-зал центрального сектора наполнился шумом.

После вспышки бледно-красного света дядюшка Мао появился на платформе центрального сектора. Он взмахнул рукой, и скафандр исчез в синем сиянии — теперь на нем была повседневная одежда.

Взглянув на черное небо, по которому пролетали эскадрильи боевых аппаратов воздушной полиции, он медленно вошел в конференц-зал.

Дверь распахнулась. На огромном экране рука Сяо Хана была зажата в ладонке черноглазого младенца, который смотрел на Сяо Хана и сладко улыбался.

Эта улыбка была до боли похожа на ту, что он видел тысячу лет назад — такая же сладкая, такая же чарующая...

— Уничтожьте его! Нельзя привозить его на поверхность, почему вы его не уничтожили?! Скорее... убейте его... уничтожьте его! — закричал дядюшка Мао, теряя контроль над собой.

Командиры в зале вздрогнули от его крика и обернулись.

Мужчина стоял в дверях, одетый в безупречный повседневный костюм. С его точеными чертами лица он даже в эту эпоху всеобщей красоты оставался выдающимся красавцем. Но сейчас он стоял, задыхаясь от истерики, а его голос дрожал от напряжения.

Кто-то узнал его и начал перешептываться с соседями.

— Куратор поверхности номер шестьдесят шесть, прошу, возьмите себя в руки, — невысокий мужчина, стоявший на трибуне, многозначительно произнес, глядя на дядюшку Мао. — Воздушная полиция уже вылетела.

В одном из небоскребов боец строительного отряда, только что вернувшийся домой, начал ужинать с семьей.

— ...Как только я вышел из портала, объявили первый уровень тревоги. Что случилось?

— Хм? Вы что, не получили уведомление?

— А, должно быть, я как раз спускался и не услышал... Кстати, в следующем месяце у меня будет две тысячи очков выживания. Давай отправим младшего в Академию Кано, там обучение лучше.

— ...Хорошо.

— Правда? Я тоже смогу пойти в Кано? — радостно спросила маленькая девочка, на вид лет двух-трех.

— Да. Ты должна хорошо учиться, слышишь?

— Обязательно буду!

.....

Сяо Хан смотрел на младенца, державшего его за палец. Даже сквозь толщу скафандра ему казалось, что он чувствует эту мягкость. Да, его ручка была такой мягкой, а улыбка — такой сладкой. Сяо Хан смотрел на него, а он — на Сяо Хана.

Крошечное радужное свечение все еще парило рядом, и силуэт старика, то проявляясь, то исчезая, окружал этот свет. Казалось, будто свечение — это сердце старика, ведь оно зависло как раз там, где у человека находится сердце.

Внезапно радужный свет резко вспыхнул и стал еще бледнее.

В небе появилось множество боевых аппаратов воздушной полиции.

— Боец строительного отряда номер восемь, боец номер сто двенадцать, немедленно вернитесь в строй.

...

<http://bllate.org/book/21288/2158441>